06.08.2015, 17:51 Ростовская область СТАТЬИ

На процессе против «крымских террористов» выступили Олег Сенцов и Александр Кольченко

Сегодня в Северо-Кавказском окружном военном суде в Ростове-на-Дону на процессе по «Делу крымских террористов» выступали обвиняемые — Олег Сенцов и Александр Кольченко. Трансляцию с судебных заседаний ведет «Медиазона».

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Первым с речью выступил режиссер и активист «Автомайдана» Олег Сенцов: «Ваша честь, я уже заявлял, что не считаю данный суд легитимным. Мы — граждане Украины, которые были задержаны на территории нашей страны. И нас судят по сфальсифицированному делу. Но я не испытываю неприязни к вам и другим участникам процесса.

Здесь уже прозвучало много неправды, и поэтому я считаю необходимым дать здесь некоторые прояснения, но в дальнейшем я не собираюсь участвовать в этом процессе.

Я считаю себя активистом Майдана. Но это не значит, что я преступник. Майдан — это главный поступок, который я сделал в своей жизни. Но это не значит, что я радикал, сжигал „Беркут“ или пил чью-то кровь. Мы прогнали нашего президента-преступника. Когда ваша страна оккупировала Крым, я вернулся туда и занимался той же волонтерской работой, что и на Майдане. Я общался с сотнями людей. Мы думали, что делать дальше, но никогда я не призывал ни к каким действиям, которые могли бы привести к жертвам, не создавал террористических организаций, и тем более не имел отношения к „Правому сектору“».

Сенцов рассказал, что помогал в Крыму иностранным журналистам и блокированным украинским военным, занимался поиском пропавших активистов — «Там был полный беспредел, некоторых мы нашли, некоторых нет, и, наверное уже их нет в живых».

«Я общался с сотнями людей, со всеми, кто готов был выступать за Украину. Из всех людей, которые были здесь упомянуты, я знаю только Геннадия Афанасьева (уже осужден по этому делу — *ОВД-Инфо*) и Кольченко Александра. О том, что он Кольченко, я узнал только в суде. Я его знал как Тундру. Тут говорили, что он всем

представлялся как Александр. Это неправда. Он — Тундра.

9 мая мне позвонил Саша Кольченко и сказал, что его друг видел, как задержали Афанасьева. Через несколько часов мне позвонил Афанасьев и голосом обреченного попросил встретиться. По наводящим вопросам я понял, что его заставляют это говорить. Я выключил телефон, но остался в городе и продолжал искать, где он находится. 10 мая меня задержали у подъезда моего дома. Меня кинули в микроавтобус, с мешком на голове привезли в здание бывшего СБУ на Ивана Франко. Начался очень жесткий допрос, меня спрашивали, кого я знаю из активистов, кто собирался взрывать памятники. Меня начали избивать ногами, руками, дубинками, лежа и сидя. Когда я отказывался говорить, начали применять удушение.

Я много раз видел это в кино, и не понимал, как люди на этом ломаются. Но это очень страшно, ваша честь. Они угрожали изнасиловать меня дубинкой, вывезти в лес и там закопать. Часа через четыре они утомились, и повезли меня на обыск. Только там я узнал, что это — сотрудники ФСБ. Они там ожидали увидеть террористов и оружие, а нашли только моего ребенка — он присутствовал при обыске, о чем в протоколе не говорится. Найденные деньги — это деньги моей кинокомпании для съемок фильма „Носорог“».

Потом его отвезли на допрос — там уже не били. Сенцову удалось вытащить телефон и написать смс знакомой журналистке, и сообщить ей о задержании. Сенцову предлагали дать показания на «руководство Майдана» — «что это они дали приказ взорвать памятники, и тогда получишь семь лет, а если нет — сделаем тебя руководителем и поедешь на 20 лет».

По словам режиссера, позже на обысках у него изымали диски с фильмами. Особенно оперативников

заинтересовал фильм «Обыкновенный фашизм» и кинохроника Третьего рейха.

«Я вам сказал все, что знал. Очень удивительно, они ничего не нашли ни в компьютере, ни в телефоне, никаких связей с праворадикалами. А через полгода следствие неожиданно нашло у меня инструкции какие-то по терроризму.

Тут фамилия Чирний (Алексей Чирний осужден по „Делу крымских террористов“ — *ОВД-Инфо*) произносится чаще, чем Сенцов. Вы слышали, что он говорил в парке. Вы думаете, что если я буду делать теракт, я доверю это такому человеку, как Чирний? Чтобы он всех завалил? Мы якобы планировали теракты, при этом я остаюсь в городе, ничем не пытаюсь им помочь. Какой я тут революционер? Я неумеха.

Я все сказал, и больше не хотел бы участвовать в этом процессе и отвечать на вопросы суда или прокурора. Спасибо, что выслушали, ваша честь», — завершил свое выступление Сенцов.

Затем выступил другой подсудимый, студент и анархист Александр Кольченко: «Я не согласен и виновным себя не признаю. Я не участвовал ни в каких действиях с целью дестабилизации обстановки или влияния на органы власти. Ни в каком террористическом сообществе я не участвовал. Я родился и вырос в Симферополе, отучился 11 классов в школе, учился в училище сервиса и туризма, потому работал в службе доставки „Новая пошта“, потом работал в интернет-полиграфии — до 20 марта 2014 года я там проработал. До задержания я также учился в Таврическом национальном университете на географическом факультете. По политическим взглядам являюсь антифашистов и анархистом. Я участвовал в экологическом лагере под Севастополем, в акциях профсоюза „Студенческое действие“ и в ряде других акций».

Кольченко так объяснил свою причастность к поджогу офиса «Единой России» в Симферополе: «После того, как был вооруженными людьми разогнан митинг рабочих „Крымтроллейбуса“, в марте примерно, я понял для себя, что легальные методы себя исчерпали, и поэтому, когда Никита (Никита Боркин, фигурант дела, находится в розыске — *ОВД-Инфо*) предложил мне поучаствовать, я ответил согласием».

«К „Правому сектору“ я не имею никакого отношения. Я анархист и антифашист, и националистических убеждений не разделяю. С Чирнием я познакомился на раскопках в заповеднике Неаполь Скифский, видел его всего несколько раз. Меня тогда насторожило, что он в летнюю жару одевался в камуфляжные штаны, китель и ботинки», — объясняет Кольченко. Он отметил, что никаких предложений о взрывах от Чирния не слышал, и в 2014 году видел его только один раз.

Прокурор расспрашивал Кольченко об обстоятельствах его участия в поджоге:

— Кто и при каких обстоятельствах предложил совершить данный поджог?

— 17 апреля утром мне позвонил Никита, как я потом узнал, у него фамилия Боркин, и предложил встретиться. На встрече он предложил мне поучаствовать в данном мероприятии, я согласился и мы договорились встретиться в 12 часов.

— До этого вам от кого-либо поступали подобные предложения?

— Ни до, ни после этого не поступали.

— Как вы для себя объясняли необходимость участия в поджоге?

— С целью причинения материального ущерба этой партии, я был не согласен с тем, что происходит в Крыму и что данная партия разрешила Путину ввод войск.

— Кто сообщил вам о вашей роли и в чем она состояла?

— Когда мы встретились с Никитой недалеко от школы № 24, там уже был Афанасьев, и через несколько минут пришел Чирний. Афанасьев сказал, что он сам и я будем наблюдать, а Боркин и Чирний непосредственно совершат поджог. После этого мы с Афанасьевым ушли и заняли позиции, а Боркин и Чирний пошли и осуществили поджог.

— В течение какого времени это происходило?

— Это произошло минуты за две: битье стекла и поджог. Потом я, Чирний и Боркин пошли в одну сторону и разошлись.

— Брала ли какая-либо организация ответственность за поджог?

— Мне неизвестно.

— Выдвигал ли кто-то в Крыму требования к органам власти о выходе Крыма из состава России?

— Никто на территории Крыма таких требований не выдвигал. Я знаю, что этого требовали украинские власти.

— Участвуя в поджоге, вы осознавали вероятность гибели людей?

— Нет, встретившись с Никитой, я подразумевал, что они подошли к делу ответственно, и поэтому я лично не интересовался о нахождении внутри людей.

Кольченко говорит, что сообщения в СМИ о поджоге были только «дежурными», и никакой реакции в обществе он не заметил.

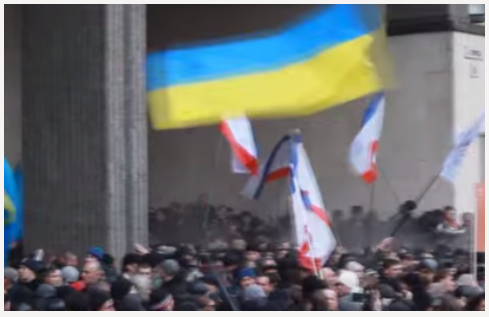
«Меня задержали 16 мая, примерно в 5–6 часов вечера. И после задержания на предварительном допросе, который не был занесен протокол, меня били по лицу и в корпус. Уже позже, когда я давал показания, там был адвокат по назначению. Данные показания я не подтверждаю — адвокат меня тогда ввел в заблуждение относительно статей, которые мне вменялись. Я о насилии не заявлял, потому что когда я узнал, какие меры применялись к Олегу, я посчитал мое давление незначительным и недостойным заявлять об этом», — рассказал подсудимый.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Крым



На территории Крыма расследуются и заводятся уголовные дела, расцениваемые правозащитниками как политически мотивированные и направленные прежде всего против крымских татар.

16 134

Дело крымских террористов

9 110